

А.И.ИЗЮМОВ

К ВОПРОСУ ОБ ОБЛАСТНОЙ ИДЕОЛОГИИ КАЗАКОВ-СТАРООБРЯДЦЕВ Р.УРАЛА

Уральское казачье войско до 1917 г. представляло собой самую большую великорусскую общину в мире. Будучи расположено в долине среднего и нижнего течения р.Урала, в стороне от главных общероссийских трактов, войско в историко-культурном плане сформировалось как особая этническая область. Старообрядчество было одним из главных составляющих ее культурных элементов. Сословная и хозяйственная замкнутость, а главное, политическое противопоставление центральной власти, способствовали кристаллизации староверия в особую форму областнической идеологии.

Собственником войсковой территории являлось все казачье население, выступая здесь как единое юридическое лицо. Группы же войскового населения станицы и хутора, имея в своем распоряжении те или иные определенные части общих владений, владели ими на праве пользования.

“Коммунистической” назвал в 1898 г. писатель А.К.Гейнс организацию уральской общины, в которой общинное начало доведено, по его мнению, до крайностей.

“Русское слово” в 1859 г. писало об Уральском казачьем войске: “Более двухсот лет на восточной границе России, за Волгою, ведется упорная борьба цивилизации с варварством, борьба не такая блестящая и громкая, как однородная с нею борьба с племенами Кавказа, но уже принесящая немало утешительных результатов: она потеряла свой прежний, чисто боевой характер и приняла другой, более желанный, характер мирного завоевания, преобладания силы нравственной, а не физической” (1). По своему бытовому и социальному положению уральским казакам были чужды порядки Европейской России, и они являлись носителями идеи областничества с его относительной свободой и общинным равенством. На их характере отразились многовековая местная об-

становка, беспокойный характер соседей-кочевников, постоянная угроза нападения и ответная готовность к борьбе с их стороны.

Совершенно очевидно, что уральцы с их областной культурой являлись своеобразным феноменом. Особую значимость для Уральского войска, его своеобразного культурно-хозяйственного уклада, имели способствовавшие формированию особого пласта казачьей культуры рыбные промыслы, благодаря наличию которых фактически и состоялось формирование самого войска. Ученый-естественник Н.А.Бородин писал в свое время, что р.Урал “представляет собою главный источник хозяйственного благосостояния уральских казаков, и значение его для них едва ли меньше, чем значение священного Нила для египтян; в его долинах находится большая часть лесов и лугов; от его разливов зависит урожай трав; в его водах с самого появления здесь казаков производится обширное рыболовство, служащее главным промыслом для большей части населения”. Ученый отмечал, что большая часть войсковых земель неудобна для хлебопашества, притом удобные земли располагались исключительно на севере войска. При таком распределении земель едва ли возможно было произвести уравнильный раздел. Все это, указывал исследователь, заставляет население ревниво оберегать общинный способ общего пользования угодьями для всех станиц войска. Н.А.Бородин писал, что войско, входя в состав Уральской области, составляло ее часть и в то же время представляло собой совершенно самостоятельное целое, связанное с остальным населением области чисто механически, то есть административно (2).

В своей работе “Областническая тенденция Сибири” патриарх русской областнической идеологии Г.Н.Потанин следующим образом характеризовал Уральское войско: “Область уральских казаков — язык, вера, историческая жизнь те же самые, но своеобразный экономический быт резко отмежевывает эту область от остального русского мира. Все природные богатства области: земля, луга, рыба в реке, соль и др. состоит в общем пользовании всего населения нераздробленным по селениям: это пользование регулируется старым записанным обычаем и новыми постановлениями войскового круга (по нынешней терминологии казачьего хозяйственного собрания). Это сплачивает население, изолирует от остального российского населения Империи в целом,

выделяет местный патриотизм из общерусского" (3).

Рыбное хозяйство уральцев, поставлявшее не только в Россию, но и на мировой рынок черную икру, осетровые породы рыб, представляло собой единый природно-хозяйственный комплекс. Он и был экономическим стимулом, генерировавшим экономические предпосылки областничества с его идеей хозяйственного суверенитета отдельных областей.

Область, по представлению казаков, есть некая историческая и географическая целостность, обладающая культурной и экономическими особенностями. Но при этом представители уральского областничества никогда не ратовали за отделение края от России. Напротив, уральские областники из числа казачьей интеллигенции всегда считали свою малую родину составной, хотя и автономной, частью Великороссии.

Уральский писатель И.И.Железнов в середине XIX в. выступал против жесткого вмешательства центра во внутреннюю жизнь казаков Урала. По его мнению, здесь должна быть сохранена патриархальная форма внутреннего управления и отсутствовать надзор Петербурга за казаками. Уральское войско, по представлению И.И.Железнова, составляет особый край, во многом не похожий на остальную Россию, имеющий обусловленные самой историей права на свое собственное бытие и развитие в составе Империи. Взглядов И.И.Железнова придерживалось поколение уральских шестидесятников: Н.Ф.Савичев, М.К.Курилин, А.Ф.Акутин и др.

Уже упоминавшийся выше Н.А.Бородин как областник стоял за естественную федерацию и за образование автономных единиц в составе государства. Он констатировал, что Уральская область — искусственное образование, а Уральское войско являлось культурно-исторической областью. Стержнем интеллектуального уральского областничества была община — институт, конкретизировавший и воплотивший начало областности.

В 1916 г. уральский общественный деятель С.А.Шапошников призвал казачью интеллигенцию изучать свой край, его природные богатства, быт, историю. "Мы должны,— писал он,— приучить казаков смотреть на свой край, живущий совершенно особенной жизнью, как на государство в государстве". Ведь областность — это выработанная веками форма саморазвития народа, охватывающая все сферы его жизни. Именно она оставила не-

повторимый узор на полотне русской истории, определила ее са-мобытность и специфику. В цитируемой выше работе Г.Н.Потанин недаром отмечал, что уральское казачество резко противопоставляет свою местную жизнь остальному русскому миру, подобно украинофилам. Этот сепаратизм духа образовался на протяжении трех веков и стойко держался в начале XX в.

Таким образом, областники протестовали против того, что центр руководит войском, находясь за тысячи километров от управляемого региона; ратовали за конкретную административно-хозяйственную автономию казачьего края.

Из всех существовавших в дореволюционной России казачьих войск, уральское являлось наиболее “старообрядческим”, даже в начале XX в. выделяясь по числу староверов (4), придавших всему войску характер областной сепаратности и исключительности. Среди уральских казаков можно было встретить старообрядцев различных направлений (единоверцы, беспоповцы, “никудышники”) (5). Придерживаясь идей областничества, они, вместе с тем, отрицательно и даже враждебно относились к проявлениям нового в войсковой жизни; ревниво следили за “реформами”, исходившими из Петербурга, если те как-то затрагивали их религиозные чувства. Особенно нетерпимыми в вопросах веры были женщины. Внешне незаметные, покорные воле мужа, занятые своими домашними делами, они играли в казачьей семье главную духовную роль, являясь нравственным лидером и наставником. Казачки хорошо знали старообрядческую литературу, так как прошли школу “чтиц” и воспитывались “родительницами” на “старых”, “истинных” книгах. Издания синодальной литературной типографии ими отвергались как “греховные”.

Таким образом, старообрядчество уральцев органично входило в идеологическую систему областничества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Русское слово. 1859. №3.
2. Бородин Н.А. Уральское казачье войско: Статистическое описание. Уральск, 1891. Т.1. С.34.
3. Отечество: Краеведческий альманах. М., 1995. №6. С.97.
4. Селищев Н.Ю. Старообрядцы в Уральском казачьем войске в XVIII—первой половине XIX вв. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1994. №5. С.42.
5. Фокин Н.И. Финал трагедии. Уральские казаки в XX в. М., 1996. С.19.